

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. П. КОНДРАШИНА

ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мюз. обозрение. - 1994. - март (л 3). - с. 13

Кирилл Петрович Кондрашин (6 марта 1914 — 7 марта 1981) — народный артист СССР (1972), дважды лауреат Сталинской премии (1948, 1949 — за постановки опер "Вражья сила и "Проданная невеста в Большом театре), лауреат Государственной премии РСФСР имени М.И. Глинки (1969), профессор Московской консерватории, дипломант Первого Всесоюзного конкурса дирижеров (1938), дирижер Ленинградского МАЛЕГОТа (1937—41), ГАБТ СССР (1943—56), главный дирижер Симфонического оркестра Московской филармонии (1960—1975), дирижер Первого международного конкурса пианистов имени П.И. Чайковского (1958), после которого к Кондрашину пришла мировая известность; первый исполнитель написанной в 1936 году Четвертой симфонии Д. Шостаковича (1961) и его же Тринадцатой симфонии (1962); Кондрашину принадлежит заслуга возвращения на советскую концертную эстраду всех (кроме Восьмой) симфоний Г. Малера Автор книг "О дирижерском искусстве" (1970), "Мир дирижера (технология вдохновения)" — беседы с В. Ражниковым (1976), раскрывающие различные аспекты дирижерской профессии...

В публикуемом материале использованы фрагменты из воспоминаний певца и музыковеда Сергея Яковенко "Мой Кирилл Кондрашин", выдержки из статьи доктора искусствоведения, профессора Елены Долинской и книги поэта и психолога В. Ражникова "Беседы с Кириллом Кондрашиным".

"...Летом 1978 года он вел интернациональные дирижерские курсы в Амстердаме... В ноябре предстояли выступления с оркестром "Концертбау" там же, в Голландии... Он уехал на гастроли в ноябре и, как всем известно, уже не вернулся на Родину...

...Как всегда, в ситуации мстительного замалчивания и отсутствия информации возникают слухи, домыслы, версии, весьма далекие от реального положения вещей. — пишет В. Ражников в книге "Кирилл Кондрашин рассказывает". — В истории с невозвращением Кирилла Кондрашина господствовала любовная версия. На эту тему на Западе даже выпускались фотографии с анекдотическими подписями. Например, некий литератор набросал по заказу в фотоальбоме текст о том, что Кирилл Кондрашин остался на Западе, полюбив молодую голландку. Но дело даже не в том, что голландка скорее предпенсиянка, чем молодая. Дело в дистанции от истинных причин трагического поступка дирижера. Все, кто хорошо знал мастера и любил его, подтвердят, что он никогда не был озабоченным рыцарем, гоняющимся за синей птицей.

По прошествии более десяти лет причины личной катастрофы Кирилла Кондрашина, как он сам назвал свой поступок, достаточно ясны. Главная причина: всемирно известный дирижер у себя на Родине оказался вытесненным из сферы концертного музицирования".

Доктор искусствоведения, профессор Е. Долинская, работавшая с архивом Кондрашина в Амстердаме, пишет:

"Несколько лет назад журнал "Огонек" публиковал документ, названный К. Кондрашиным: "Почему я остался на Западе". В архиве дирижера хранится не только беловой, но и черновой набросок этого письма 1978 года:

"Мне 64 года, 47 лет я уже стою за пультом. Однако я чувствую еще много нереализованных возможностей, выявить которые в условиях жизни в Советском Союзе я не могу. Невверным было бы сказать, что я находился в худших условиях, чем другие советские артисты. Кое в чем даже в лучших... Однако система контроля и подавления творческой инициативы со стороны Министерства культуры такова, что работник искусства в Советском Союзе способен реализовать лишь незначительную часть своего творческого потенциала... Формируя свой репертуар как в Советском Союзе, так и за рубежом, советский артист находится под многоступенчатым контролем. Высчитывается процентная соотношения советской, русской, западной и даже музыки национальных республик, причем качество самой музыки игнорируется. Ряд выдающихся произведений фактически запрещен к исполнению (Симфония "Бабий яр" Шостаковича, Вторая симфония Шнитке, опера "Мастер и Маргарита" Слонимского, ряд произведений Эдисона Денисова и т.д.) Артисты, давая программу на Запад, обязаны ее согласовать с чиновником из Госконцерта, который, ссылаясь на анонимные распоряжения сверху, вправе наложить вето на любое произведение (кстати, Прокофьева и Шостаковича даже не учитывают как советскую музыку при вычислении процентов). Артист бессилен против этого произвола... Я больше не в силах выносить нажим со стороны некомпетентных чиновников и хочу остаток своих дней прожить в условиях творческой свободы... Я сознательно не просил политического убежища. Советская власть дала мне образование, я очень за это благодарен, всю жизнь старался верно служить своей стране, и никогда ничего не делал ей во вред.

Окончание на 16-й стр.

Окончание. Начало на 13-й стр.

Я только протестую против произвола в области искусства и хочу верить, что может быть своим отчаянным шагом смогу еще раз обратить внимание руководителей страны на это".

К сожалению, после отъезда из России, Кондрашин прожил всего лишь два с половиной года, которые, однако были исключительно творчески насыщенными. Директор Концерттеатра предложил ему (вместе с Б. Хайтинком) быть со-главным дирижером прославленного оркестра, на подиум которого подымались лучшие дирижеры мира. В их числе были, например, Густав Малер, Артуро Toscanini, Герберт фон Караян... В жизни Кирилла Кондрашина оркестру Концерттеатра, и, шире, музыкальной культуре Голландии было суждено сыграть особую роль. Этот оркестр для него стал последним "своим" коллективом. В последние годы, отпущенные судьбой, он сделал с Концерттеатром массу интересных программ, в том числе из произведений Стравинского, Прокофьева, Бородина, Сибелиуса, Малера...

В записных книжках дирижера, которые он вел в Голландии, фиксировались программы, творческие планы, художественные намерения: в мае-июне 1982 года осуществить постановку "Турандот" Пуччини. Спектакль, видимо, планировалось поставить не только в Амстердаме, но и в "Ла Скала": на самой последней странице записной книжки между 14 и 22 октября 1982 года значится: "Milano?" "La Scala?" Далее планы симфонических программ для оркестра Баварского радио.

12 декабря 1980 г. из Вены сыну Петру сообщил: "Подписал контракт на пост главного дирижера Баварского радиокomiteта начиная с сезона 1982-1983 года, но буду там появляться регулярно уже теперь... Я очень доволен этим приглашением — это и признание, и возможность зафиксировать на пленки, пластинки и телефильмы лучшее из моего репертуара — радио в этом отношении обладает большими возможностями..."

"...могу тебе сказать совершенно искренне — я сам чувствую и все единодушно отмечают новый этап в моем дирижировании, углубление, большую искренность. Возможно это результат моральных переживаний, с одной стороны, и чувства раскрепощенности — с другой. Но так или иначе, если мне суждено еще несколько лет так же активно функционировать, вам не придется краснеть за фамилию, и я сумею доказать смысл своего поступка: ведь в СССР я уже выходил в тираж... Пока есть здоровье и силы, не хочу останавливаться. Надоело в последние годы в Москве чувствовать себя пенсионером и зависть от прихоти Госконцерта и докторов". (Из письма сыну из Амстердама, июль-август 1979).

В Москву он сообщает: "Заканчиваю переработку моих книг о дирижировании и думаю издать в Германии или Англии" (12 декабря 1980, Вена). Книга "Искусство дирижера" вышла в Голландии (1983) и в Германии (1989).

"Начал заниматься педагогикой в Голландии, и желающих очень много, но столько путешествую, что решил ограничить эту сторону пока только консультациями и проведением курсов — здесь это принято во всех странах по месяцу — мой следующий заход — август 1981 года в Голландии. На мои репетиции в Голландии и Германии приезжают много молодых студентов-дирижеров и даже профессионалов, и я с удовольствием консультирую их". (12 декабря 1981, Вена).

7 марта, в день смерти, maestro провел дневной концерт, после была назначена репетиция другой программы, но... сердце остановилось.

На похоронах оркестр "Концерттеатра" играл "Adagio" из Пятой симфонии Малера.

Незадолго до кончины Кондрашин писал: "Мне кажется, что талант артиста не принадлежит ему одному, и если он не может быть реализован до конца, теряет все человечество... Я верю, что смогу внести свой вклад в историю русского исполнительства, безразлично где бы я ни дирижировал".

Последние годы жизни в России были для Кондрашина морально тяжелыми и унижительными. Уйдя из оркестра Московской филармонии, он стал "персональным пенсионером". И даже когда в 1976 году отмечался юбилей оркестра МГО, который он вывел в пятерку лучших оркестров СССР, "Кондрашину не только не воздали заслуженных знаков внимания, но даже не пригласили в зал. В буклете, посвященном истории оркестра, худрук абзац гласил, что Кирилл Кондрашин руководил оркестром с такого-то по такой-то год" (В. Ражников. "Кирилл Кондрашин рассказывает").

О других своих трудностях Кондрашин писал в приведенном выше письме.

Отъезд Кондрашина из СССР был воспринят однозначно отрицательно. Его имя перестало упоминаться, все пластинки, были изъяты из магазинов. Слава Богу, что не изъяты из библиотек две его книги.

Но и после смерти его старались не только принизить, но и забыть. Когда уже в 1988 году студент IV курса Московской консерватории (ныне — заместитель главного редактора "МО")

А. Власов в многотиражке своего ВУЗа написал статью о трактовках Пятой симфонии Шостаковича разными дирижерами, в которой достойно оценил интерпретацию Кондрашина, то в газете "Советская культура" (29 марта 1988) появилась реплика М. Игнатьевой "Плоды просвещения", где, в частности, говорится: "...возможно ли ставить рядом имена Б. Мравинского — музыканта мирового значения (как и Л. Бернштейна), умножившего славу советского искусства, и дирижера К. Кондрашина, всегда стоявшего в ином, куда более низком ряду исполнителей, и к тому же "Ивана, не помнящего родства", запятнавшего свое имя недобропорядочным отношением к своей Родине, к народу".

В те годы, когда Кондрашин был вычеркнут из нашей истории, психолог Владимир Ражников подготовил к изданию вторую книгу о дирижере — "Кирилл Кондрашин рассказывает", которая вышла в издательстве "Советский композитор" в 1989 году. Можно сказать, что возвращение Кирилла Петровича Кондрашина на Родину началось с этой книги.

О мероприятиях, посвященных 80-летию К.П. Кондрашина, читайте в следующем номере "Музыкального обозрения".

ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

СЕРГЕЙ ЯКОВЕНКО

"МОЙ КИРИЛЛ КОНДРАШИН"

Познакомились мы в начале шестидесятых, во время работы над кантатой Ю. Левитина "Веселые нищие" по поэме Р. Бернса.

Помню, что я, двадцатилетний солист радио, здорово оробел при первой встрече — передо мной был красивый, холерный барин, несколько утомленный славой и отнюдь не стремившийся сократить дистанцию в музыкальном общении.

Но через несколько лет, во время следующей встречи, лед был растоплен, мы, наконец, почувствовали друг друга, увлеклись совместным делом и даже подружились.

К подготовительной репетиционной работе он относился с редкой педантичностью и не прощал никакой неряшливости или небрежности — здесь он был бескомпромиссен и безжалостен. Помню, как он жестко отчитал Владимира Винардо, позволившего себе опоздать на несколько минут на рядовую оркестровую репетицию в Дзиртаре, во время летних гастролей оркестра. Вряд ли еще когда-либо пианисту доводилось слышать столько обидных и резких слов, но он покорно выслушал нотацию, потому что отношение самого Кондрашина к делу было поистине легендарным.

А с композитором Ю. Буцко Кирилл Петрович даже рассорился, когда ему показалось, что оркестровые голоса виолончельного концерта, готовящегося к исполнению, недостаточно скрупулезно откорректированы.

Кульминация проявления его принципиальности и твердости характера пришлась на одну из репетиций в зале имени Чайковского. Накануне вечером Кирилл Петрович позвонил мне и предупредил, что начать работу нам придется рано, в девять часов, потому что на час дня назначен в этом же зале пленум Фрунзенского райкома партии. О том, чтобы

просто сократить репетицию он не мог и помыслить, нужно было найти возможность компенсировать потерянное время, и он ее непременно находил, пусть даже за счет сна.

На следующий день все шло нормально примерно до половины первого, пока директор филармонии, человек деликатный и мягкий, не выдержав давления партийных бонз, вынужден был подойти к дирижерскому пульта и попросить Кондрашина закругляться — надо, мол, еще успеть столы для президиума вынести и т.д. Последовал корректный, но твердый ответ, что договоренность была о сдвиге, но отнюдь не о сокращении репетиции, и оркестр, солист и дирижер уйдут со сцены ровно в час. Постепенно напряжение нарастало, вокруг сцены сновали взволнованные и возмущенные люди, мне было все труднее сохранять сосредоточенность, но Кирилл Петрович оставался твердым и невозмутимым. Минут через пятнадцать несчастный директор прокрался к пульта вновь и стал умолять не доводить дело до скандала — все бюро райкома во главе с Первым в сборе и возмущено. И тут последовал взрыв: "Вон отсюда! Не смейте мешать работе!" — взревел дирижер и, обращаясь к оркестру, спокойным и ровным голосом: "Друзья, продолжим".

способствовала не только квалификация партнеров, но и организаторский талант Кондрашина, привыкшего руководить всеми и во всем — каждое лишнее слово, каждое не вызванное необходимостью переключивание карт мгновенно "карались" замечаниями хозяина. (...)

В середине вечера, после второй пульки, делался перерыв для ужина, переходили в холл, где хлопотала Нина Леонидовна, супруга Кирилла Петровича, выпивали бутылку хорошего коньяка, вкусно ели и общались с совершенно другим Кондрашиным — широким, хлебосольным, веселым и удивительно остроумным. (...)

Я все больше привязывался к Кондрашину, такому разному и неординарному и неизменно чувствовал исходящее от него ответное тепло. (...) Тем обиднее, что однажды дружеские отношения резко оборвались.

Перейдя работать с радио в филармонию, я сразу же получил предложение от Евгения Федоровича Светланова выступить с ним в Большом зале консерватории в рахманиновской программе — солировать в "Колоколах" и "Весне". Испытав огромную радость от работы и концерта, я при встрече с Кондрашиным кинулся ему навстречу, чтобы поделиться переполнявшими меня счастливыми чувствами. Но обычной теплоты не встретил — передо мной был совершенно другой человек, холодный, надменный, чужой, как при нашем давнем знакомстве. И услышал я следующее: "Вы, конечно, вправе выбирать себе партнеров, руководителей, друзей, но бывают вещи несовместимые, или-или." И все, и больше никаких творческих и личных контактов, никаких приглашений. (...)

Правда, когда беда постигла коллегу, Геннадия Николаевича Рождественского, которому нанесли незаслуженную обиду, подло отняв у него оркестр, Кондрашин и Светланов, "распри позабыв", боролись за восстановление справедливости плечом к плечу. Но я, к сожалению, так и не был прощен.

Наиболее интересные эпизоды связаны с работой над монооперой "Записки сумасшедшего" Ю. Буцко по повести Гоголя. Первоначально произведение исполнялось под рояль, — пианистка Мария Гринберг предложила такой вариант в надежде на то, что услышав нашу интерпретацию, заинтересуется и "клонет" какой-нибудь дирижер и состоится оркестровое исполнение. "Клонул" Кондрашин.

Правда, для того, чтобы состоялась парадная премьера в концертном зале имени Чайковского, дирижеру пришлось в очередной раз проявить волю и мужество. То, что приближалось празднование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, чуть не помешало нам, хотя, казалось бы, какая связь? Но изощренный чиновничий ум ее усмотрел. Однако, все по порядку.

За несколько дней до концерта, идя на репетицию, я обратил внимание, что "Записки" никак не афишируются. Стены зала пестрели плакатами, извещающими о событиях гораздо более поздних, о нашей же приближающейся премьере почему-то умалчивалось. Кирилл Петрович разделил мою тревогу и решительно направился в сторону дирекции, я за ним.

Тот давний разговор врезался в память дословно и навсегда, настолько он получился драматичным, острым и экспрессивным. Кондрашин ворвался в кабинет заместителя директора, вершившего филармоническими делами, "аки лев", и прямо с порога резко спросил: "Почему до сих пор не вывешены афиши "Записки сумасшедшего"? Он был в этот момент не просто разгневан, он выглядел вдохновенным и прекрасным бойцом, заряженным только на победу, и силы, как мне показалось, были явно неравны.

Чиновник, сидевший за огромным столом, не на шутку смутился, стало ясно, что наши опасения были отнюдь не напрасны. "Присядьте, пожалуйста, надо кое-что обсудить, обстоятельства усложнились, и есть мнение...". "Чье мнение?", — прервал его Кирилл Петрович, — "Ваше мнение?" "Ну что вы, я такие вопросы не решаю, но в высоких инстанциях подумали о том, что могут возникнуть нежелательные неконтролируемые ассоциации, мне звонили, меня вызывали..." "Я вам не верю", — наступал дирижер, — "назовите мне конкретные имена". "Не имею права, существует партийная дисциплина..." "Ну вот что", — отрезал Кондрашин, — "если через час не появится реклама, я вас уничтожу! Поеду к министру, в ЦК и всем буду рассказывать, что в столичной филармонии засел враг, дискредитирующий память вождя и считающий, будто "Записки сумасшедшего" Гоголя-Буцко ассоциируются с личностью Владимира Ильича! Сергей Борисович, — это уже ко мне, — "засеките, пожалуйста, время". И мы покинули кабинет.

Конечно, это был блестящий актерский экспромт, трагикомический фарс. Кондрашин замечательно чувствовал партнера, его психологию, молниеносно и точно реагируя на каждую реплику оппонента. Возможно, он даже немного переиграл, утрируя благородное негодование, но результат был достигнут — через час у зала появились плакаты, и премьера, кстати, весьма успешная, прошла в срок. (...)

МУЗЫКАЛЬНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Перепечатка допускается
по согласованию
с редакцией,
ссылка на "МО"
обязательна.

ИНДЕКС 50070
Газета набрана
и сверстана
в ИО
"Композитор"

Объем 4 п.л.
Заказ № 1143
Тираж
10.000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:
103006, Москва,
Садовая Триумфальная 14-12,
телефоны:
209-21-88, 200-69-56

Отпечатано
офсетным способом
в типографии имени
И.И. Скворцова-Степанова
издательства "Известия"